

Счастливый ребенок. Универсальные правила

Автор:

[Андрей Курпатов](#)

Счастливый ребенок. Универсальные правила

Андрей Владимирович Курпатов

Универсальные правила

Счастливый ребёнок.

Книга подробно рассказывает о том, как формируется мозг ребенка, его эмоциональная сфера и социальные отношения, а также умение думать и принимать осмысленные решения. Здесь вы найдете четкие рекомендации как справляться с конкретными проблемами, и как сбалансировать воспитательные задачи с долгожданным счастьем родительства.

Как найти общий язык со своим ребенком? Как добиться того, чтобы он вас слушался? Как научить ребенка интересу, общению и счастью?

Эта книга давно стала бестселлером и признана одной из лучших в своем жанре. Но с момента ее первого издания многое изменилось в нашей жизни, и прежде всего – информационная среда. Настоящее издание включает несколько новых разделов, которые посвящены влиянию гаджетов на формирование детского мозга, цифровой зависимости, синдрому дефицита внимания и гиперактивности.

Откройте для себя рецепт счастья!

Ранее книга выходила под названиями «Руководство для Фрекен Бок» и «Первое руководство для родителей. Счастье вашего ребенка».

Андрей Курпатов

Счастливый ребенок. Универсальные правила

© А. В. Курпатов, 2019

© ООО «ИД Нева», 2019

© ООО «ИД Капитал», 2019

* * *

Предисловие

Рассказывать о детской психологии я начал в книге «Исправь своё детство. Универсальные правила»[1 - Авторское название книги – «Триумф гадкого утёнка»]. На самом деле, она, конечно, была о взрослых, ведь многие наши психологические проблемы берут свое начало именно в детском возрасте. Часто именно в нем, в нашем детстве, источник тех внутренних конфликтов и комплексов, которые затем мучают нас всю жизнь. Все оттуда, все это корнями где-то там – в детстве, отрочестве, юности.

Эта книга в целом не отличалась ни обилием советов, как у нас любят, ни наличием каких-то конкретных рекомендаций – «пойди туда-то, сделай то-то». Скорее, она стала неким размышлением, важным для осознания и, может быть, даже для покаяния. Мне хотелось, чтобы человек, прочитавший «Исправь своё детство», освободился от той принесенной им из детства душевной тяжести, которая в том или ином виде есть в каждом.

Собственно, поэтому, из-за такого, прямо скажем, философского настроения, я и не слишком рассчитывал на какой-то особенный читательский прием. Однако книга оказалась успешной, была издана и переиздана множество раз. Признаться, сам не верю, что у нее такая счастливая судьба. Но дело даже не в том, сколько

издатель перевел на нее бумаги, а в том, сколько отзывов мне пришло на эту книгу. Сколько и каких!

Читатели писали мне о своих ощущениях, которые они испытывали во время чтения, делились своими мыслями, рассказывали о том, как она помогла им изменить свою жизнь. Честно сказать, я был несколько обескуражен. А еще меня стали постоянно спрашивать о книге, которую я легкомысленно анонсировал в самом последнем абзаце, назвав ее «своеобразным вторым томом».

Почему же книга «Исправь своё детство», несмотря на кажущееся «отсутствие конкретики», нашла путь к сердцам читателей? Думаю, потому, что в ней я рассказывал о наших отношениях с людьми, которые были, есть и будут самыми главными в жизни, – о наших отношениях с родителями.

Эти отношения – архисложная штука, нечто очень интимное, и они, к сожалению, очень часто полны какого-то странного внутреннего напряжения – слишком много в них невысказанной, не понятой толком, не осознанной нами какой-то потаенной боли. И конечно, будучи и сами родителями, мы думаем о том, как бы уберечь от этого своих детей.

Долго я откладывал работу над книгой «Счастливый ребёнок», а когда все-таки засел за нее, у меня случился самый настоящий «писательский» ступор.

Ну не могу приступить к книге, и все. Хоть ты тресни! Не пишется, и баста. А голова тем временем «любезно» подсказывает разного рода оправдания моей бездеятельности – то других дел много, то из-за суеты нет возможности сосредоточиться как следует, чтобы написать хорошо.

Или вот, например, самая хитрая уловка... Я же в этот период и сам стал папой, а потому надо все проверить на опыте – чего я буду людям рассказывать какую-то теорию, если сам «пороху не нюхал»? Надо проверить, а потом уже писать.

Но он был уже не гадким темно-серым утенком, а лебедем. Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца! Теперь он был рад, что перенес столько горя и бед, – он мог лучше оценить свое счастье и окружавшее его великолепие.

Ганс Христиан Андерсен

Не знаю, надо ли объяснять причину этого моего, как выразились бы на моем месте психологи, «внутреннего сопротивления»? Наверное, не надо. И так понятно – ответственность. Такая прямо ужасная-преужасная, большая-пребольшая ответственность! Шутка ли – о детях говорить! Объяснять, что с ними происходит, как их воспитывать... По мне, так это ответственность в прогрессии, без конца и края.

Они же маленькие, несмышленные, они полностью зависят от нас. Одно неловкое движение, слово, поступок – и все, что-то поломалось, не восстановишь, не перепишешь. Это как у скульпторов, я думаю, когда они с куском мрамора работают: чуть передал резцом, и все, привет – будет тебе не Давид, а Венера без конечностей. И это в лучшем случае! А то ведь и вовсе груды строительного мусора может образоваться, мозаику потом собирать. В общем, струхнул я. Самым натуральным образом.

И это я еще вам не рассказал, сколько раз и каким образом начинал писать эту книгу. Это же вообще комическая история! То так ее начну, то эдак, то передумаю – и по-другому, то один план составляю, то другой, то тридцать третий. Сегодня нравится, завтра – нет. Вчера вроде бы «все сложилось», сегодня – ерунда на постном масле. Прямо как заколдованная книга, честное слово!

Но никакого колдовства, конечно, тут нет и близко. Все дело, не побоюсь повториться, в ответственности, к которой, собственно, я этим предисловием всех родителей и призываю. На нас – родителей – лежит гигантская ответственность! Тут, с одной стороны, «не навреди», а с другой – в тень-то уйти нельзя, на плетень ее не наведешь, бездействие получается, а оно смерти подобно, потому как – то самое «навреди» и выйдет. Ужас!

Когда какие-то родители приносили жертву богам, моля послать им сына, Диоген сказал: «А что из него выйдет, для вас безразлично?»

Короче говоря, в какой-то момент я принял решение прекратить все эти свои бессмысленные «творческие» метания-искания и писать, как пишется. Думаю,

тем, кто знает (например, по научным работам автора), насколько он любит все структурировать и систематизировать, это решение, им принятое, – просто подвиг какой-то! И далось оно мне не просто.

Итак, о чем эта книга? О том, как понять своего ребенка. Навскидку – нет, конечно, в этом ничего сложного. Но я возьму на себя смелость не согласиться. Поверьте, тут «все просто» только на первый взгляд, а как присмотришься, сразу обнаруживается неуловимая странность...

Мы имеем дело с «гуманоидом», пришельцем с другой планеты. Понимаю, что это мое заявление несколько шокирует уважаемую общественность, но вынужден на это пойти. Мы привыкли думать, что ребенок – это такой «большой человек», но только «маленький». Что отчасти, конечно, правда. Но так, да не так.

Если человек – это не просто «венец природы», а результат социально-культурного развития (в чем в общем-то не приходится сомневаться), то ребенок – это пока только, как бы это сказать по деликатнее... «заготовка» под человека. Он еще будет расти, развиваться и лишь со временем превратится в человека. А до тех пор он еще не человек – в полном смысле этого слова. Биологически – да, бабочкой или орангутангом он уже не станет, но психологически – нет, не человек. Если изолировать его от людей, а такие опыты, к несчастью, имели место быть, он человеком – в том смысле, который мы с вами вкладываем в это слово, – не станет.

Это примерно то же самое, что называть какое-нибудь соцветие – плодом. Цветочки на яблоне – это, конечно, потенциальные яблочки, но яблочного сока при всем желании из них не сделаешь. Из побегов пшеницы сено можно изготовить, причем в больших количествах, а вот хлеб – нет.

Так и с ребенком: он и человек уже, но и не замечать того, что он еще не человек, – это преступление. Потому как, если мы не замечаем «незрелости» нашего ребенка, его «неготовности» к жизни в нашем, взрослом, социокультурном мире, мы будем требовать от него того, на что он просто по уровню своего развития не способен.

В результате получается, с одной стороны – насилие, а с другой – фрустрация, унижение. Конечно! Ведь он не может справиться с этим заданием, а мы

требуем результата. Некрасиво это и неправильно. Унижаем, сами того не понимая.

Но тут вот в чем загвоздка... Как рассказать человеку о том, что такое, прошу прощения, «заготовка для человека»? Мы же мыслим-то подобиями, точнее сказать – по своему образу и подобию. Вот, например, можем ли мы представить себе, что такое мир собаки? Теоретически – наверное, да. А фактически, натурально? Она в пятьдесят раз острее ощущает запахи (в пятьдесят раз!), а вот зрение у нее, например, куда хуже, да еще вдобавок к тому – монохромное, примерно как в черно-белом телевизоре. Да, когда мы знаем об этих нюансах собачьей сенсорики, у нас некий образ ее мира формируется, но это все равно – фикция. Даже если мы очень постараемся, мы не сможем «увидеть» этот мир, состоящий по большей части из дикой вони и сладостных ароматов, причем с той оговоркой, что воню в нем оказывается дорогой парфюм от Ив Сен-Лорана, а ароматом – зловонные, гнилостные останки какой-нибудь птахи. А еще в нем масса агрессивных звуков и бледная визуальная картинка действительности. Ну как это вообразить?

Счастье есть воображаемое состояние, которое прежде приписывалось предкам; теперь же взрослые обычно приписывают его детям, а дети – взрослым.

Томас Сас

Только вы, пожалуйста, не думайте, что я сравниваю ребенка с собакой! На этом примере я просто пытаюсь показать, что другое существо воспринимает мир совершенно по-другому, можно даже сказать – оно живет в другом мире. Если же мы устроены иначе, если мы устроены по-разному, то понять, как именно оно – это другое существо – мыслит, живет и думает, – задача почти неразрешимая. Как результат – коммуницировать с ним очень сложно. Да, наверное, глухонемой может о чем-то договориться со слепым, но очевидно, что степень их взаимопонимания будет не слишком высокой. Так и мы с нашим ребенком ровно в такой ситуации!

Ребенок иначе психически устроен, нежели взрослый, его мир создан из других элементов, а потому мы и находимся с ним в пространстве взаимодействия, где все очень условно и, мягко говоря, непросто.

Ждать же, пока ребенок дорастет до нашего уровня восприятия и бездействовать – это значит наломать такое количество дров, что, когда он-таки дорастет наконец до этого нашего уровня, он уже не захочет с нами коммуницировать из принципа.

В этой связи меня всегда удивлял такой парадокс. Вот брал, например, я для своей телевизионной программы «Доктор Курпатов» книги, статьи тему – «Проблемы с детьми» или, например, «Трудный ребёнок». И ноль интереса. Ну правда! Было не заставить телезрителей смотреть это дело! Переключаются. Рейтинги низкие, тиражи низкие, «коэффициент читаемости» низкий. Но только мы делаем программу о подростках, о взрослых детях – рейтинг вверх, тиражи вверх, коэффициент читаемости – в заоблачные дали! Фантастика, правда?..

Но никакой фантастики в этом нет. Просто, пока ребенок маленький, он не может нам, как говорится, «симметрично ответить», а потому родителям кажется, что «все нормуль». Однако же дети имеют свойство расти, и в какой-то момент родители неизбежно встречаются с тем самым «симметричным ответом» между глаз.

Встречаются, понимают, что дела плохи, и сразу появляется у них интерес к проблеме воспитания детей. Только поздно – мальчик уже не с пальчик, да и девочка созрела. А потому, собственно, поздно пить боржоми. Что мертвому припарки такое лечение. Когда ребенку исполняется двенадцать-тринадцать лет, случается маленькое волшебство: мы ему больше «не указ» – спасибо, дорогие родители, вы свободны.

Конечно, я хорошо понимаю, что чужой опыт никого и ничему не учит. В лучшем случае мы его «к сведению принимаем». И конечно, я хорошо понимаю, что родители с малолетними детьми – это ходячая психотравма. Тут я несколько не иронизирую, ведь малолетний ребенок столько сил вытягивает, что ничем не измеришь. Тяжелая работа, а потому порой не до воспитательной эквилибристики. Но! Надо сделать над собой усилие.

Работа тяжелая, хлопотная, истощающая, не до нюансов, казалось бы, но халтурить нельзя. Тут же на кону судьба человека, качество всей последующей жизни вашего ребёнка! Это раз. А кроме того, это же нам самим важно: мы свое чадо родили, столько с ним маялись, и потому так ведь хочется, чтобы не зря, не

даром.

Вот ради этого, как бы тяжело ни было, и надо сделать над собой усилие – понять, вникнуть, войти в положение и помочь. Наши дети нуждаются в помощи – и это даже не факт, это – презумпция! Этому «вниканию» я и посвящаю большую часть книги.

Впрочем, есть еще одна вещь, о которой я считаю нужным сказать в самом начале. «Исправь своё детство. Универсальные правила» я начал с предупреждения, адресованного читателю: «Пожалуйста, читайте эту книгу как “дети”». То есть, я просил своего читателя, читая книгу, вставать на место ребенка. Здесь же, в книге «Счастливый ребёнок», я буду просить вас поступить прямо противоположным образом. Я буду просить вас читать эту книгу так, словно вы сами никогда не были детьми. Ну, наверное, это странная просьба, поэтому я вынужден пояснить свое пожелание.

Жизненный опыт дает нам радость только тогда, когда мы можем передать его другим.

Андре Моруа

Дело в том, что наша память – великая обманщица. Она постоянно переписывает наше прошлое. И в этом нет ничего странного, поскольку мы сами меняемся, а то, какие мы, определяет то, как мы воспринимаем окружающую нас действительность, включая и наши собственные воспоминания.

Иными словами, наша память постоянно перекрашивает, переписывает, переделывает, меняет наше прошлое – это научно доказанный факт. Нам, разумеется, кажется, что наше восприятие прошлого объективно и стабильно, но это только иллюзия, продиктованная тем, что самих себя мы тоже воспринимаем относительно неизменными, хотя и меняемся с годами, как вы наверное догадываетесь, глядя в зеркало, самым серьезным образом.

Если бы нам представилась такая возможность – поговорить с самими собой, но, например, десятилетней давности, то, как свидетельствуют соответствующие научные эксперименты, мы бы, во-первых, самих себя не узнали, а во-вторых, были бы сильно с самими собой (прежними) не согласны, причем по ряду

ключевых позиций.

Учитывая эту особенность нашей памяти, мы не способны вспомнить, что на самом деле происходило с нами в нашем детстве. Хотя нам может казаться, что мы имеем весьма точные представления о нем – что с нами происходило, что мы при этом думали, что чувствовали, – но это только иллюзия.

Старики привыкли думать, что они всегда умнее, чем поколение, которое идет им на смену.

Маргарита Наваррская

Однако же из этой иллюзии мы делаем уверенные и далеко идущие выводы, а именно: «Ну, знаешь! Я в твои годы...» – и далее по тексту. Заблуждение. Нам только кажется, что мы помним, что там было в этих наших «тех» годах. Тем более если речь идет о трехлетнем возрасте или даже десятилетнем, когда мозг ребенка еще продолжает расти и качественно меняться.

Да, вполне возможно, мы «в эти годы» уже картошку на колхозных полях собирали или в ларьке работали – родителям помогали, а наш «оболтус» только и знает, что за компьютером сидеть. Но мы же не помним, с каким настроением и внутренней мотивацией мы собирали эту картошку или поднимались утром, чтобы в том самом ларьке убратся, а это-то и важно!

Вполне возможно, что, если бы нас не загнали тогда на то колхозное поле коммунистической идеологией, а в ларек – строгим родительским наставлением, и еще был бы у нас тогда компьютер с приставкой или планшет с мультфильмами, мы оказались бы «ничем не лучше» нашего «оболтуса». И на это надо делать скидку.

В общем, возвращаясь к своей просьбе, я хочу сказать: пожалуйста, читайте эту книгу так, словно у вас не было детства, как будто ваш ребенок – это не «маленький вы» двумя-тремя десятилетиями ранее, а совершенно неведомое вам существо с другой планеты – гуманоид.

Поверьте, если реализовать такой подход в процессе воспитания ребенка, вы – как родители – будете куда более успешны. Впрочем, пока вам придется просто поверить мне на слово, хотя очень скоро, я надеюсь, все в этом убедятся. А пока просто на слово, ладно?.. Спасибо!

Меня часто упрекают за отсутствие каких-то конкретных советов в моих «практических пособиях». В целом я не могу согласиться с этой критикой, поскольку конкретные советы в моих книгах, мне думается, все-таки есть. Хотя, конечно, чтобы соответствующие инструкции начали действовать, необходимо совершить определенную интеллектуальную работу, от которой многие, к сожалению, отказываются, рассчитывая, видимо, получить какой-нибудь нехитрый рецепт счастья в два притопа, три прихлопа.

Есть у нас эта страсть к разного рода мистическим заклинаниям или, на худой конец, к каким-нибудь изоощренным манипуляциям – чтобы раз-два и все готово, по мановению волшебной палочки! Таких советов я и вправду не даю. За ними лучше обратиться к пособиям типа «Я стерва, и этим горжусь», ну или что-то в этом роде (на полках книжных магазинов они наличествуют с избытком, и все желающие могут с ними ознакомиться).

Мне же куда интереснее обращаться к читателю, который ждет от меня не инструкций, а понимания вопроса. И ничего со мной не поделаться – я искренне в это верю: если ты понимаешь, как что-то работает, ты всегда сможешь с этим «что-то» многое сделать – переменить, наладить, отстроить. Не совет, не рекомендация, а рассказ о сути происходящего – вот, на мой взгляд, самое важное и самое целительное средство во всем, что касается нашей психологии.

Мы уникальны, и нас нельзя лечить одним советом на всех, но если мы знаем универсальные механизмы психики в целом, то мы сможем сами подобрать нужный ключик и к нашему ребенку. Так, по крайней мере, мне кажется. Поскольку же нет общих инструкций, то инструментарий каждому родителю придется подбирать индивидуально, находить подход к ребенку, причем к каждому, если детей несколько. Но тут важно понимать – как подбирать, как понять, что выбранный способ взаимодействия с ребенком правильный?

И тут ответ один: вы должны хорошо понимать, какого ребенка вы хотите вырастить, каким вы хотите, чтобы он стал. И если ваши поступки, ваш способ взаимодействия с ребенком служит этой конечной цели, значит он правильный. А если, рассудив здраво, вы понимаете, что этой цели он не служит, значит –

ошибочный. Какова эта цель? Надеюсь, никто не будет тешить себя иллюзией и думать, что этой целью может быть желание вырастить из него космонавта или великого дирижера. Скорее всего, такой план обречен на неудачу.

Тот максимум, на который мы можем рассчитывать, – это вырастить самостоятельного, активного, уверенного в себе, ответственного, доброго, чуткого, внимательного к другим людям человека, обладающего чувством собственного достоинства. Такая цель мне кажется и правильной, и реалистичной. Об этом можно и нужно думать, и тогда инструментарий, необходимый для ее достижения, найдется.

Впрочем, есть определенного рода советы и рекомендации, которые действительно необходимы родителям в процессе воспитания ребенка. Например, разного рода развивающие игры для детей, а также описание алгоритмов поведения, которые могут быть полезны в различных ситуациях – когда ребенок капризничает или не хочет делать уроки.

Но этого в моей книге тоже не будет, потому как я не специалист по воспитанию детей в образовательной и общеразвивающей части, а специалист по «невоспитанию» людей с надломленной и попорченной психикой. И это, мне думается, очень важно. Буквально – очень!

Ну и наконец, самое последнее, перед тем как перейти к тексту. Основное содержание этой книги я написал больше десяти лет назад, еще в свою бытность «доктором Курпатовым». Тогда, в начале нашего века, в нулевых я много и последовательно работал над популяризацией психотерапии. Это было важно и нужно с учетом нашей общей психологической безграмотности, которую мы унаследовали всем нашим российским народом еще с советских времен.

С одной стороны, нужно было в принципе рассказать о том, что такое психотерапия, – поэтому я и написал много психотерапевтических книг по самым актуальным психологическим проблемам (включая, собственно, и эту – о воспитании детей). С другой стороны, предстояло показать, что заботиться о своем психическом состоянии – это не «страшно» и не «стыдно», а нужно и полезно, и даже более того – не слабость, а социально ответственное действие.

Истинное воспитание состоит не столько в правилах, сколько в упражнениях.

Жан-Жак Руссо

Но минули эти десять лет, за которые многое изменилось. Психотерапия в России стала делом привычным, и хотя качество психотерапевтической помощи все еще оставляет желать лучшего, но дело с мертвой точки, как ни крути, сдвинулось. Впрочем, пока мы привыкали к тому, что у нас есть психика и внутренний мир, которые нуждаются в заботе и знании, человечество преодолело своеобразный Рубикон и буквально эмигрировало в виртуальный мир интернета, социальных сетей, компьютерных игр и повсеместной цифровизации.

Гаджеты и Wi-Fi стали неотъемлемой частью нашего существования, даже большей его частью. Это, к сожалению, привело к тотальному росту цифровой зависимости, которая, в свою очередь, проявляется информационной псевдодебильностью у взрослых и цифровым слабоумием у детей.

Так что, теперь я, с одной стороны, занимаюсь изучением мышления – провожу соответствующие научные исследования, пишу книги, основал Высшую школу методологии и Академию смысла. С другой стороны, мне снова пришлось заниматься популяризацией, только на сей раз я рассказываю не о психотерапии, а о том, что такое цифровая зависимость, как она влияет на мышление человека и как с ней бороться, чтобы не скатиться в полный идиотизм.

И тут снова получается, что есть два аспекта – проблемы взрослых и проблемы детей. В целом, взрослые – это взрослые, они имеют свою голову на плечах, и как им прожить свою жизнь – это их собственный выбор. Хотят они быть цифрозависимыми и глупеть – пожалуйста, запретить это взрослому человеку никак невозможно. С детьми же дело другое – это от нас зависит, какими они вырастут в этой новой, цифровой среде. Причем проблема куда сложнее, чем кажется.

Из этой книги вы узнаете, как формируется мозг ребенка, а он именно формируется, потому что ребенок, как я уже сказал, рождается лишь заготовкой к человеку. В течение первых лет жизни среда будет работать над его мозгом тем самым скульптором: из числа миллиардов нейронов, с которыми рождается малыш, около половины погибнет, а оставшиеся 87 миллиардов образуют

прочные связи друг с другом. Причем эти связи по большому счету и есть сам человек, а какими они – эти связи – будут, зависит от того, к какой среде в мозгу ребенка придется адаптироваться.

Эволюция готовила наш мозг к тому, чтобы он формировал связи между нейронами в естественной среде обитания. Она никак не могла ожидать, что дети с колыбельки окажутся в симулированной реальности прыгающих двумерных картинок, которые нельзя ни пощупать, ни на вкус попробовать. То есть это вообще для нашего мозга что-то совершенно иное, неестественное и даже противоестественное. В результате в мозгу наших детей не формируются те системы контроля и организации поведения, которые есть у людей, чье детство прошло в естественной среде обитания.

С первыми симптомами этой проблемы человечество столкнулось еще в девяностых, когда мы переживали лавинообразный рост телевизионного потребления. Тогда-то и появились первые звоночки, ученые заговорили о «функциональной безграмотности» – это когда человек вроде бы разумный, а думает примитивно, разумных решений принять не может, подчас даже понять, что ему говорят, не в силах.

Второй диагноз, который начали тогда же ставить все чаще и чаще, – это «синдром дефицита внимания и гиперактивности» (СДВГ). Основными признаками этого психического расстройства и была эта самая гиперактивность – то есть ребенок был непоседливым, дерганым, не мог долго фиксироваться на какой-либо деятельности и прежде всего – на обучении.

Но телевизор со множеством «Утиных историй», «Черными плащами», «Чипами» и «Дейлами» кажется сейчас уже невинной забавой. Последние годы он практически полностью вытеснен маленькой штукой, которую взрослые уже буквально не выпускают из рук, а для детей эта штука и вовсе самый настоящий наркотик.

Эта «штука», как вы догадываетесь, – все наши гаджеты: телефоны, планшеты и вообще любой экран. Молодые родители стали активно использовать их в качестве интеллектуальных сосок-пустышек и бибиситтеров, а мозги их детей тем временем активно и неотвратно превращаются в кашу. Точнее, в таких обстоятельствах дети не могут слепить из каши своих нейронов хоть что-то сколько бы то ни было осмысленное и стоящее.

Конечно, сам по себе прежний текст этой книги остается, как и раньше, актуальным, ведь она изначально была посвящена фундаментальным проблемам воспитания детей и механизмам формирования психики ребенка. Однако, с учетом всего вышесказанного, мне видится обязательным дополнить его информацией о цифровой зависимости у детей. Так что в этом – исправленном и дополненном издании – появились четыре дополнительные части, посвященные ребенку и «цифровой среде».

В этой работе неоценимую помощь мне оказал нейробиолог Илья Андреевич Мартынов, основатель и научный руководитель «Центра развития мозга», где с помощью современных технологий помогают детям, страдающим от СДВГ и других расстройств, связанных, в частности, с бесконтрольным информационным потреблением. Его опыт и знания позволили сделать эти части книги более интересными и информативными.

Все данные, приведенные в соответствующих разделах, относятся к самым современным научным исследованиям. Так что, как мы с Ильей Андреевичем надеемся, эти разделы нового издания станут хорошим подспорьем для неравнодушных и заинтересованных родителей. Данные научные факты и комментарии к ним, как мне кажется, органично дополнили основной текст книги, а мы, таким образом, смогли совместить вечное и актуальное. И то и другое – важно, и я уже, честно говоря, не знаю даже, что важнее, учитывая нынешнее положение дел.

Ну что ж, поехали?..

Вместо введения:

Сказка про зеркало,

или обратный отсчет

«Свет мой, зеркальце! Скажи, да всю правду доложи: кто на свете всех милее, всех румяней и белее?» – в детстве этот текст из знаменитой пушкинской сказки производил на меня какое-то двойственное впечатление. Мне было, мягко

говоря, непонятно: зачем задавать такой вопрос зеркалу, если в нем все и так видно?

Когда же это зеркало в какой-то момент отвечало царице: «Ты прекрасна, спору нет. Но царевна всех милее, всех румяней и белее...» – у меня и вовсе случался гносеологический шок. Ну право, это какая-то суцая ерунда! Откуда зеркальце знает про царевну, если в него смотрится только царица? Не могла же молодая царевна заглядывать в него тайно, это совсем не в ее характере... Бред, правда?

Потом, непонятно, каковы критерии оценки? Тут ведь одна молодая, другая «старая» (ну, по моим, тогда детским ощущениям) – как их можно сравнивать? Наконец, сама царица – она была слепая, что ли? У нее же эта красавица-царевна росла под самым носом! Как она могла не заметить, что девушка хорошеет?

О том, что таким образом я наткнулся на один из самых значительных, важных психических феноменов – «эффект зеркала», я узнал только через двадцать лет...

Психоаналитическая загогулина

Уже неоднократно я рассказывал о знаменитом французском психоаналитике Жаке Лакане. Личностью он был действительно уникальной и незаурядной, а как ученый произвел самую настоящую революцию в психоаналитической науке. Он рассказал своим коллегам о том, что самый главный объект в жизни человека – это вовсе не «сексуальный объект», как те всегда думали, а простое, ничем не примечательное зеркало. «Свет мой, зеркальце! Скажи, да всю правду доложи...»

В 1936 году Жак Лакан попытался поведать о своем открытии «стадии зеркала» на международном психоаналитическом конгрессе. Но по неизвестным причинам его прервали уже на десятой минуте доклада, а в довершение этого «скандала» основатель психоанализа – Зигмунд Фрейд – объявил молодому ученому, что его работа «не представляет никакого научного интереса». Удивительно, но ни рукописи этого доклада, ни каких-либо иных записей на сей счет не сохранилось. Прямо мистика какая-то! Повторная премьера этой же

научной идеи состоялась ровно тридцать лет спустя.

Что же Жак Лакан пытался втолковать научной психоаналитической общественности?

Психоаналитики всю дорогу думали, что главные события психической жизни человека разворачиваются в пространстве его пропитанных эротизмом отношений с родителями. Если верить психоанализу, у нас с нашими родителями связаны все самые острые, самые сильные чувства – начиная от любви и привязанности, заканчивая ужасом и страхом.

Отсюда в воспаленном воображении ученых рождались образы, достойные разве что античных трагедий: Эдип, убивающий своего отца и становящийся мужем своей матери, или Электра, любящая своего отца до беспамятства и подговаривающая родного брата убить их мать-предательницу. Таковы, по мнению фрейдистских психоаналитиков, подсознательные комплексы всякого уважающего себя человека.

Определить – значит ограничить.

Оскар Уайльд

Жак Лакан не стал спорить с тем, что родители – люди в нашей жизни важные, но, однако же, главные, наиболее значительные ее события, по мнению ученого, разворачиваются не в плоскости наших отношениях с родителями, а в пространстве наших отношений с самими собой. Впрочем, осознать, что мы находимся сами с собой в неких отношениях, – это, право, не так-то просто.

О каких отношениях с самими собой может идти речь, если мы никогда не приветствуем себя возгласом – «Доброе утро!», и не прощаемся сами с собой, желая самим же себе хороших сновидений? Что это за общение – без элементарных «здрасте» и «до свидания»? Но на поверку это общение происходит, причем постоянно, и идет полным ходом без всякого нашего на то соизволения, то есть автоматически.

В возрасте от 6 до 18 месяцев современный младенец знакомится с собственным зеркальным отражением, и для него это нечто большее, чем, например, то же самое знакомство с зеркалом, если знакомится с ним собака или обезьяна. Да, собака понимает, что перед ней в зеркале не другая собака, и потому не лезет к ней снюхиваться, а обезьяна понимает еще больше – она даже способна играть со своим зеркальным отражением, вполне «понимая», что это ее собственная игра с самой же собой.

Стадию зеркала достаточно понимать как трансформацию субъекта, когда он принимает на себя некий образ.

Жак Лакан

Однако ни один из этих примеров не иллюстрирует того фантастического переворота, который случается в психике ребенка, когда он определяет в зеркале самого себя. Только человеческий ребенок осознает, что видит в зеркале не просто свое отражение, но себя-настоящего[2 - Известно, что приматы и ряд других животных могут отслеживать изменения своего изображения в зеркале, но они неспособны отождествлять себя как отдельную особь с набором психических функций.].

Ведь он никогда не видит себя своими глазами. Руки видит, ноги видит, но себя целиком – нет. Его руки и ноги, которые он внимательно изучает на первом году жизни, искренне удивляясь сим объектам, – это только части его тела, а вот он сам, целиком, находится там, по ту сторону зеркала.

Конечно, зеркало – это только метафора, о чем, к сожалению, частенько забывал даже сам Жак Лакан. Но если убрать зеркало из этой логики, то она – эта логика – становится еще более впечатляющей. Можем ли мы знать себя, не видя себя? А ведь правда в том, что мы никогда не видим себя со стороны, мы можем только представить себя со стороны, но представить и видеть – это все-таки разные вещи. Мы не можем увидеть себя своими глазами, мы всегда видим себя чужими. Даже в зеркале мы видим не свои глаза, а лишь отражение своих глаз.

Если же пойти в этих размышлениях еще дальше, то начинаешь понимать – речь идет не только о нашем внешнем облике, речь идет и о нашем внутреннем содержании. Как мы можем сказать сами себе, что какое-то наше действие «хорошее» или «плохое»? Как можем мы сами решить, что сделали что-то «доброе» или «злое»? Нет, мы не можем это сделать самостоятельно, для этого нам необходима некая выданная нам «извне» шкала оценки. Чтобы понять себя, мы должны научиться соизмерять себя с другими, но в результате мы в каком-то смысле перестаем быть сами собой.

Впрочем, и это еще не все... Годовалый малыш тянет руку, показывая на какой-то предмет, например мячик, лежащий вне зоны его досягаемости – на полу, за его кроваткой с высокими бортами. Этот знаменитый указательный жест ребенка, как доказали ученые, видоизмененный хватательный рефлекс. Малыш как бы схватывает вещь, но не своей рукой, а рукой своей мамы, которая в его воображении является в этот момент своеобразным продолжением его собственной руки, как щипцы в автомате с мягкими игрушками.

Он не понимает, что своим указательным пальцем он не берет вещь, а разговаривает с мамой. Но что происходит в этот момент? Мама переспрашивает малыша: «Ты хочешь, чтобы я дала тебе мячик?» Ребенок оживляется, услышав знакомый звук – «мячик», который он воспринимает как некий атрибут, некое свойство этого загадочного сферического предмета. Мама поднимает с пола и подает ребенку мяч.

Милая, совершенно невинная зарисовка. Если бы не одно «но»: если бы не слово «хочешь». Мама называет желание ребенка. Он сам еще не понял своего желания, не осознал его, он просто потянул руку по направлению к предмету, который по каким-то причинам привлек его внимание. А мама сказала: «Ты хочешь мяч?» Но «хотел» ли ребенок «мяч»? Формально – да. Однако же реально он просто увидел некий предмет и протянул к нему руку, то есть без всякого желания как желания.

Вполне возможно, он просто хотел развлечься, вполне возможно, ему просто стало скучно в его манеже, вполне возможно, он тянулся даже не к мячу, а к какому-то другому предмету, лежащему рядом, но при звуке «мяч» его внимание переключилось именно на мяч.

Стадия зеркала – своего рода ответ, реакция на беспомощность. Собственное я выполняет функцию протеза, как сказал бы Фрейд. Оно протезирует нехватку. Собственное я – фантазм на месте отсутствия.

Виктор Мазина

Вероятно, многие мои читатели пребывают сейчас в некоторой растерянности, полагая, что автор этих строк слегка тронулся умом и городит какую-то отчаянную и бессмысленную чушь. В конце концов, какая разница – тянулся ребенок к «мячу», или к «чему-то» неопределенному, или просто тянулся «куда-то»? «Хотел» или «не хотел»? Хотел ли он конкретно «мяч» или хотел просто «развлечься»? Обрадовался «знакомому звуку» или обрадовался тому, что мама правильно поняла его просьбу?

Какой смысл во всех этих нюансах? Кажется, никакого. Но смысл огромен! Это подмена желания. Естественная, неизбежная, но самая настоящая. Подлинное желание ребенка, которое он, вполне возможно и скорее всего, сам не сознавал, не понимал толком, но имел, было заменено на внятное, понятное, конкретное, но не его желание.

Иными словами, в растая в жизнь, ребенок отлучается не только от себя, которого он не видит иначе, как только в отражении (во взгляде на него со стороны других людей), но и от своего желания, которое формализуют для него другие люди по их собственному усмотрению.

Какие истинные желания движут им? Чего он хочет на самом деле? Может ли быть, что слова, которое бы правильно и точно обозначало его подлинное желание, не существует в природе или попросту ему неизвестно? И как это скажется на всей его последующей жизни? Будет ли он в будущем иметь дело со своими желаниями или он постоянно будет путать то, что он хочет, с тем, что он думает, что он хочет?

Ребенок плачет и не находит себе места. «Хочешь кушать, мой золотой?» – говорит мать и дает ему грудь. Ребенок какое-то время сопротивляется, отворачивает голову. Но сосок матери уже прикоснулся к его губам, те рефлекторно вытянулись вперед, а язычок выдавил первые капли материнского молока. Он начал есть, процесс пошел. Рефлексы сделали свое дело. Но хотел ли он есть? Мы не знаем и, более того, уже никогда не узнаем ответа на этот

вопрос.

Допускаю, что в данном конкретном случае это вряд ли имеет какое-то принципиальное значение. Но зато потом, когда в пять, в десять или в пятьдесят пять он будет успокаиваться, набивая себе рот пищей, и бесконечно толстеть, вместо того чтобы удовлетворить какое-то другое свое, но неизвестное ему, желание, правильный ответ на этот вопрос был бы очень кстати.

Или вот эти бесконечные поиски «смысла жизни» или «поиски любви»? Или это странное ощущение опустошенности, когда тебе двадцать и вроде бы вся жизнь впереди, а ничего не хочется, ничего не грезится, ничего не получается и все из рук валится? Или эти тридцать или сорок лет, когда хочется чего-то такого «неземного», а на ум приходит только новая машина или шесть соток в ближайшем Подмосковье? Или эти пятьдесят или шестьдесят лет, когда вроде бы большая часть жизни прожита, а ничего правильного, нужного, «того, что надо» не сделано? И главное – непонятно, что нужно-то вообще, что главное? Самореализация была-была, а не случилась.

Не есть ли все это результат того «невинного» отлучения ребенка от его собственного желания через его формализацию, заворачивание в фантик слова? Естественное, неизбежное... но оттого не менее ужасное.

В метрических свидетельствах пишут, где человек родился, когда он родился, и только не пишут, для чего он родился.

Мориц Сафир

Итак, что все это значит? Что значит для психики тот факт, что мы-реальные находимся лишь по ту сторону от самих себя и своих желаний? Вечная разорванность? Не-тождественность самим себе? Даже не стадия, а самый настоящий эффект зеркала.

Примечание:

«И дым Отечества нам сладок и приятен...»

Здесь я не могу не сделать небольшого отступления, чтобы хотя бы отчасти восстановить невольно попорченную справедливость.

Мы всегда с таким восторгом и с такой надеждой смотрим на Запад, что, кажется, совершенно слепы к тому, что происходит у нас, здесь, на нашей собственной родине. Когда Лакан со своим лакановским психоанализом триумфально пришел в Россию в середине девяностых, она уже полвека была в курсе соответствующих идей и взглядов относительно «эффекта зеркала», более того – сама же их и сформулировала.

Сейчас я имею в виду одну крошечную работу выдающегося российского мыслителя – Михаила Михайловича Бахтина. Работу настолько крошечную, что позволю себе привести ее здесь целиком. Она называется «Человек у зеркала»:

«Фальшь и ложь, – пишет М. М. Бахтин, – неизбежно проглядывающие во взаимоотношении с самим собою. Внешний образ мысли, чувства, внешний образ души. Не я смотрю изнутри своими глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим. Здесь нет наивной цельности внешнего и внутреннего. Подсмотреть свой заочный образ. Наивность слияния себя и другого в зеркальном образе. Избыток другого. У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу. Из моих глаз глядят чужие глаза».

Вот, собственно, и вся «статья» – острая, эмоциональная, пронзительная. И совсем не случайно она была написана человеком, значительная часть работ которого посвящалась творчеству Федора Михайловича Достоевского.

Повесть «Двойник» – одна из самых странных и самых загадочных в творчестве Федора Михайловича. Это история о том, что происходит с человеком, который лишен своей целостности. Точнее, даже о том, что у человека нет этой целостности, она утрачена. Разные части нас взаимодействуют друг с другом, и в этом взаимодействии мы теряем сами себя, мы – скорее сгусток этих собственных противоречий, нежели целая и здоровая личность.

То, что мы становимся людьми в процессе воспитания, – это, конечно, очень ценно. Но, наверное, не совсем правильно – смотреть на медаль лишь с одной стороны. Нельзя забывать о «негативе», который неизбежно влечет за собой несомненно позитивный факт нашего вхождения в культуру. Перенимая язык,

мы, с одной стороны, структурируем себя, обретаем форму, выходим из аморфного существования в рамках биологической жизни, но, с другой стороны, этот перенятый нами извне языковой «психологический костяк» – не есть мы сами.

Мы плоть от плоти той культуры, которая нас взрастила и воспитала, но мы не эта культура. А кто?.. На этот вопрос нет ответа. И остается лишь безмолвно смотреться в зеркало, пытаясь понять – кто же тот человек, который не отражается в зеркале, а смотрится в свое отражение.

Почем опиум для народа?..

Но оставим эту тонкую философическую психологию в стороне. Каков непосредственный, важный для каждого из нас вывод, связанный с этим загадочным «эффектом зеркала»? А вывод этот, если исключить все нюансы и подробности, заключается в следующем: представление, которое мы имеем о себе, – это не продукт нашего личного творчества, это результат отношения к нам со стороны других людей.

Характер ребенка – это слепок с характера родителей, он развивается в ответ на их характер.

Эрих Фромм

Красивы мы или некрасивы? Умны мы или глупы? Добры или жестоки? Сильные мы или слабые? Насколько мы уверены в себе, в конце концов? Все это зависит от того, как к нам относятся окружающие. Сами мы понять этого не можем, нам необходима внешняя, сторонняя оценка. Но кто эти другие?.. Если учесть, что отношение к самому себе у человека формируется в детстве, то понятно, что первую скрипку в этом оркестре играют наши родители.

Мы недостаточно хорошо понимаем, насколько серьезная это вещь – воспитание. Нам кажется, что воспитание – это формирование у ребенка хороших манер,

обучение его правилам поведения в обществе, его образование. Но на самом деле, это дело второе, если не десятое. Первое же и самое главное – это то, как мы учим нашего ребенка относиться к самому себе. Если он живет в среде, которая постоянно оценивает его как неумного, некрасивого, бездарного, завистливого, агрессивного, плаксу и т. д., – то, поверьте, он именно таким и становится.

Конечно, если от природы ребенку даны неплохие способности, например по части интеллекта, то насколько развит его интеллект, во многом зависит и от условий обучения, качества образования, от тренировки соответствующей функции мозга. Но ведь дело совсем не в этом!

У человека могут быть потрясающие задатки, однако если он искренне уверен в том, что они находятся на скромном уровне под названием «ниже плинтуса», то ни тренировать их должным образом, ни развить их как следует он не сможет. А даже если это и произойдет и он действительно наберет пунктов эдак 85 из 100 по его собственной индивидуальной шкале, он не сможет ими воспользоваться в должной мере.

«Кто решит эту задачу?» – спрашивает учительница. И дальше вопрос уже только в том, кто поднимет руку. Ребенок, уверенный в том, что он смысленный, даже если у него и не семь пядей во лбу, поднимает и худо-бедно решает эту чертову задачку. Но ребенок, который живет с мыслью, что он «тупица», будь у него хоть семьдесят семь пядей во лбу, просто не поднимет руку, потому что внутренне посчитает себя неспособным решить эту задачу.

Если же его вытянут к доске насильно, то он будет трястись как осиновый лист, и все равно возникнут проблемы. А он лишний раз убедится в том, что не слишком умен или, на худой конец, что вся эта «высшая математика» дается ему с таким трудом и ужасом, что заниматься ею ему попросту не стоит – даром гробить время и силы.

Более чем уверен, что гигантский список потрясающе талантливых и даже гениальных ученых, которые учились в школе на бесконечные тройки (а это, к примеру, Ньютон, Дарвин, Менделеев, Циолковский, Эдисон, Эйнштейн), вовсе не «поумнели с возрастом». Они просто не верили в то, что способны осилить эту науку. С чего они это взяли? Ну, верно, кто-то им об этом рассказал... Причем этот кто-то пользовался у них авторитетом.

В последующем научный, творческий интерес победил в этих гениях ошибочные установки, усвоенные ими в раннем детстве. Но сколько еще одаренных от природы людей остались не у дел, потому что в их случае исследовательский интерес был не так велик? Вероятно, их было немало.

И это мы говорим о том, что имеет серьезную нейрофизиологическую основу, – об интеллекте. А что, если речь идет о вещах еще более субъективных? Например смелости, или доброте, или порядочности? Что, если и в этой области ребенок подвергается постоянной критике? Сколько у него шансов при таком раскладе вырасти смелым, добрым, добропорядочным и великодушным человеком? Я отвечу на этот вопрос однозначно: если эта критика исходит со стороны эмоционально значимых для него людей, а как правило, это именно родители, то никаких.

Бесконечно твердить своему ребенку, что он, например, врун или лжец, – это значит, по сути, «легализовать» для него такую форму поведения. В России чиновнику или гаишнику очень трудно не брать взяток, потому что мы так относимся к представителям этих профессий. Мы абсолютно уверены, что эти люди живут на поборы да теневые доходы. И что им остается делать? Спротивляться нашему ошибочному мнению? Пытаться доказать нам обратное? Если некое поведение, даже будучи незаконным или аморальным, становится «нормальным», привычным, то его неизбежно будет больше.

Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

Александр Пушкин

Родительская оценка – вещь необыкновенно важная. Мне никогда не забыть девочку, которая чуть не умерла от анорексии, а все началось с того, что ее папа как-то раз буркнул, сидя за обеденным столом: «Что ты жрешь, как свинья?» Или другую девушку, которая попала в кризисное отделение Клиники неврозов после неудачной, по счастливому стечению обстоятельств, попытки самоубийства. Что ее толкнуло на этот страшный поступок? Формально – отрицательная оценка ее внешних данных молодым человеком. Но имели бы эти слова такую разрушительную силу, если бы с детства она не слышала постоянно от своей

мамы: «С твоей фигурой на удачное замужество рассчитывать не приходится, так что ты учись лучше!»? Училась она, и вправду, неплохо...

Мы – родители – зеркало для своих детей. И не только в наших словах, но и просто в нашем отношении к ним, в нашем поведении, в наших реакциях они прочитывают то, какие они, наши дети, «на самом деле».

Если родитель регулярно демонстрирует ребенку пренебрежение, тот, став взрослым, никогда не поверит, что его можно полюбить. Если родитель постоянно иронизирует над ребенком, подтрунивает над ним, этот ребенок на протяжении всей своей последующей жизни будет крайне болезненно воспринимать любую критику и, возможно, именно поэтому не добьется никаких серьезных успехов. Если родитель не доверяет своему ребенку, тот в последующем будет постоянно сомневаться в себе и в искренности своих намерений.

Своим поведением в отношении ребенка мы, по сути, рисуем его портрет. В последующем его собственное отношение к самому себе будет его отношением к этому, нарисованному нами портрету. А мы ведь даже не замечаем как наносим новые и новые мазки на это полотно. Мы посылаем своему ребенку сигналы почти всегда на подсознательном уровне.

Если мы все делаем за ребенка, пресекая всякую его активность и самостоятельность, он перестает доверять своим способностям. Если мы стыдимся его в компании родственников, друзей и соседей, он будет думать, что с ним что-то не так, что он «гадкий утенок», которого стыдно показывать на «птичьем дворе». Если мы не защищаем его, когда он незаслуженно кем-то обижен, то он потом всю жизнь будет думать, что он недостойн того, чтобы к нему хорошо относились, что с ним что-то не так.

Позитивное отношение к ребенку, разумеется, дает обратный – позитивный – результат. Если на ребенка не кричат, если его не понукают надо и не надо, если за каждым его поступком видят истинную причину, а не очередной повод для наказания и унижений, то и сам ребенок начинает так к себе относиться. У него появляется чувство самоуважения, он начинает рефлексировать, анализировать и осознавать собственное поведение. У него появляется мотивация быть лучше, потому что он ждет теперь позитивной оценки своего

поведения или, по крайней мере, рассчитывает на понимание.

Ребенок, к которому относятся негативно, с пренебрежением, напротив, не слишком рассчитывает на позитивную оценку, а потому и не имеет внутренней мотивации на «хорошее поведение». Какой смысл, если он не верит, во-первых, что может быть «хорошим», а во-вторых, что его могут таковым признать?

Итак, понимаем ли мы, что это именно мы создаем ту атмосферу, ту идеологию, внутри которой воспитывается наш ребенок? Понимаем ли мы, что он воспитывается не нашими нравоучениями, а самой этой атмосферой, царящей в наших с ним отношениях? Понимаем ли мы, наконец, что он не сам становится «каким-то», а наше отношение к нему делает его таким? Возможно, и понимаем. Теоретически... Но этого, к сожалению, недостаточно.

Цель воспитания – научить наших детей обходиться без нас.

Эрнст Легуве

Наше позитивное, внимательное, доброжелательное, сочувствующее, заинтересованное отношение к ребенку должно, во-первых, идти «изнутри», а во-вторых, обязательно показываться «наружу», демонстрироваться, проявляться. Если мы так чувствуем, но не показываем этого, ребенок и не заметит. А вот с негативом – наоборот, даже если родитель пытается его скрывать, ребенок, к сожалению, все равно все поймет. Если ребенок нежеланен, если родители от него устают, если он для них «назойливая муха», он все это «считает».

Любовь надо проявлять так, чтобы ее видели и чувствовали те, кого мы любим, а наш негатив понятен им, к сожалению, даже без специальной демонстрации. Так уж мы устроены... И наивно думать, что мы сможем обмануть собственного ребенка. Если внутри самих себя мы им недовольны, если мы внутри самих себя считаем его «недостаточно» сообразительным, добрым, талантливым, умным, мы себя обязательно выдадим. Это то тайное, которое неизбежно становится явным – скрывай не скрывай. Если мы не покажем своему ребенку этого напрямую, мы покажем ему это через наши отношения с другими людьми – родными, его учителями, – стесняясь его, чувствуя за него некую неловкость.

Только наша собственная искренняя и самозабвенная вера в то, что мы любим нашего ребенка и что он лучший ребенок на всем белом свете, способна дать ему то ощущение, на основании которого может отстроиться его здоровая, лишенная внутренних противоречий и комплексов личность.

Возможно, эта фраза звучит странно – «Вера в то, что мы его любим», «Вера в то, что он лучший». Но точнее сказать трудно. Просто любить своего ребенка – недостаточно. Считать его смысленным и добрым – тоже недостаточно. Нужно еще и верить в это, потому как только эта вера поможет нам перенести все трудности и тяготы воспитания нашего малыша.

И все-таки немножко психоанализа...

В детстве я никогда не верил в Карлсона и, по правде сказать, не очень любил эту сказку. Я почти не сомневался в том, что Малыш его выдумал. И я даже знал, зачем он его выдумал. Тогда мне казалось, что все дело в собаке. Сам я очень хотел собаку, но долгое время у меня не было никаких шансов стать счастливым обладателем этого четвероногого друга. Просто – никаких.

Конечно, в такой ситуации больше ничего другого не остается, как придумать себе вот такого «виртуального» товарища – Карлсона, который живет на крыше. Но Малышу все-таки купили собаку, а мне – нет. Возможно, поэтому я тем более не слишком любил эту сказку.

Дети – это завтрашние судьи наши.

Максим Горький

Но вот прошли годы, и сейчас мне кажется, что дело было совсем не в собаке...

«Малыш надеялся, что домработница будет молодая, красивая и милая девушка, вроде учительницы в школе. Но все вышло наоборот. Фрекен Бок оказалась суровой пожилой дамой высокого роста, грузной, да к тому же весьма

решительной и в мнениях и в действиях. У нее было несколько подбородков и такие злющие глаза, что Малыш поначалу даже испугался. Он сразу ясно понял, что никогда не полюбит фрекен Бок.

- Надеюсь, вы любите детей, фрекен Бок, да? - спросила мама.

- О да, конечно, если они хорошо воспитаны, - ответила фрекен Бок и уставилась на Малыша.

Мама смутилась.

- Я не уверена, что Малыш хорошо воспитан, - пробормотала она.

- Он будет хорошо воспитан, - успокоила маму фрекен Бок. - Не беспокойтесь, у меня дети быстро становятся шелковыми.

Первые детские ощущения - это удовольствия и страдания, и благодаря им сперва и проявляются в душе добродетель и порок.

Платон

Тут уж Малыш покраснел от волнения: он так жалел детей, которые стали шелковыми у фрекен Бок! А вскоре он и сам будет одним из них. Чего же удивляться, что он так перепугался?

Впрочем, у мамы тоже был несколько обескураженный вид. Она погладила Малыша по голове и сказала:

- Что касается мальчика, то с ним легче всего справиться лаской.

- Опыт подсказывает мне, что ласка не всегда помогает, - решительно возразила фрекен Бок. - Дети должны чувствовать твердую руку.

Затем фрекен Бок сказала, сколько она хочет получать в месяц, и оговорила, что ее надо называть не домработницей, а домоправительницей. На этом

переговоры закончились».

Теперь мне кажется, что Малышу просто не доставало элементарной родительской любви. А когда ребенку элементарно недостает родительской любви, он...

«Малыш подошел к окну и стал смотреть на улицу. Он стоял и думал о том, как он несчастен и как тоскливо без мамы. И вдруг ему стало весело: он увидел, что над крышей дома, на той стороне улицы, Карлсон отрабатывает сложные фигуры высшего пилотажа.

– Привет, Малыш! – крикнул Карлсон. – Уж не обидел ли я тебя чем-нибудь? Почему у тебя такой хмурый вид? Ты себя плохо чувствуешь?

– Да нет, не в этом дело, – ответил Малыш и рассказал Карлсону о своих несчастьях и о том, что мама уехала и что вместо нее появилась какая-то домомучительница, до того противная, злая и жадная, что даже плюшек у нее не выпросишь, когда приходишь из школы, хотя на окне стоит целое блюдо еще теплых плюшек.

Глаза Карлсона засверкали.

– Тебе повезло, – сказал он. – Угадай, кто лучший в мире укротитель домомучительниц?

Малыш сразу догадался, но никак не мог себе представить, как Карлсон справится с фрекен Бок.

– Я начну с того, что буду ее низводить.

– Ты хочешь сказать «изводить»? – переспросил Малыш.

Такие глупые придирки Карлсон не мог стерпеть:

– Если бы я хотел сказать «изводить», я так бы и сказал. А «низводить», как ты мог бы понять по самому слову, – значит делать то же самое, но только гораздо смешнее.

Малыш подумал и вынужден был признать, что Карлсон прав. «Низводить» и в самом деле звучало куда более смешно.

– Я думаю, лучше всего начать с низведения плюшками, – сказал Карлсон. – И ты должен мне помочь».

Ребенок слишком любит нас, чтобы сознательно мстить нам за то, что мы, мягко говоря, не самые «задачливые» родители. Поэтому в знаменитой сказке Астрид Линдгрен Малыш мечтает о родителях, которых нет, которые куда-то уехали, то есть об «идеальных родителях», которыми мы могли бы для него стать, но которыми так и не становимся. И мстит он тоже не нам, а некой «фрекен Бок», которая появилась «вместо мамы», и не сам, а с помощью выдуманного им друга – своего милого, в меру упитанного и в самом расцвете сил альтер-эго... Вот такая психоаналитическая загогулина. И если уж говорить начистоту – разве фрекен Бок не заслужила того, как с ней обошлись? И может быть, нам, родителям, действительно имеет смысл посмотреть на себя в зеркало? Не слишком ли мы напоминаем своим поведением ту самую фрекен Бок?..

Ну а хуже всего было то, что фамилия его отца, а значит и его собственная, как раз кончалась на «сен»! Из него никогда не выйдет ничего путного! Вот горе-то! Но родился он, казалось ему, не хуже других; иначе и быть не могло.

Ганс Христиан Андерсен

«Фрекен Бок побагровела от злости.

– Что за идиотская шутка! – заорала она и снова кинулась к окну. – Наверно, это кто-нибудь из верхней квартиры забавляется тем, что крадет у меня плюшки и швыряет сюда пятиэровые монетки.

– Над нами никого нет, – заявил Малыш. – Мы живем на верхнем этаже, над нами только крыша.

Фрекен Бок совсем взбесилась.

– Ничего не понимаю! – вопила она. – Решительно ничего!

– Да это я уже давно заметил, – сказал Малыш. – Но стоит ли огорчаться, не всем же быть понятливыми». «Не всем же быть понятливыми»...

По-моему, гениальная фраза, если учесть, что ее автор – ребенок, а адресат – его воспитатель. Впрочем, мне кажется, если мы очень захотим и постараемся, то понять своего ребенка мы сможем. И тогда ему не придется изобретать «Карлсона, который живет на крыше», чтобы нас «низводить».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Авторское название книги – «Триумф гадкого утёнка».

2

Известно, что приматы и ряд других животных могут отслеживать изменения своего изображения в зеркале, но они неспособны отождествлять себя как отдельную особь с набором психических функций.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kurpatov_andrey/schastlivyy-rebenok-universal-nye-pravila

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)